



Из дневника зенитчика

Ю. Н. Бучинский

5 часов вечера
20 ноября 1941 года

Если судьбе будет угодно дать мне возможность заполнить своей жизнью сию книжку, то я буду счастливейшим человеком на свете.

29–30 ноября –
1 декабря 1941 года

Старшина поехал за продуктами. Привезет ли сапоги? Немцы на Москву жмут очень сильно, наши кое-где отступают. Сталиногорску капут. Все строю-строю ветряк. Ночью с вечера частые тревоги.

Вчера, когда я был в землянке, была тревога около 8 часов вечера. Летел самолет и спустил на нашу позицию 4 бомбы, одна взорвалась около 3-го орудия, и все засыпало землей. Бомбы были килограмм по 100–250, так как воронки большие. Наша землянка здорово закачалась, но устояла, хотя взрыв был метров в 50 от нас. Вчера утром получил теплое обмундирование: фуфайку, брюки, шапку. Когда я был дежурным 29 числа, на кухне у меня получилась небольшая неприятность,

которая на меня подействовала довольно-таки сильно.

30 числа мы последний раз едим консервы. Суп теперь варят с салом, на второе вместо каши дают макароны.

С проблемой питания у меня возникла мысль: бить воробьев и другую птицу и варить их. Для одной цели я испортил 5 патронов, но еще не стрелял. На дворе 29 было как весной, все таяло, а потом замерзло.

Теперь мне некуда писать письма. Какое-то настроение неважное.

Говорят, что наши имеют ряд успехов на Юге, отбили Ростов-на-Дону, захваченный немцами 26–28 числа, и гонят их. Это окрыляет меня и вселяет бодрость, что еще мы можем их гнать хоть не везде, но кое-где.

Сегодня вечером устроил почти все внутренности ветряка. Скоро будет готов. Все со своими вопросами несильно надоели.

Теперь у нас разговоры ведутся исключительно на тему: как бы хорошо поесть, как я дома раньше

ел и что бы лучше всего я сейчас хотел. Положение Ленинграда тоже становится все тяжелее и тяжелее, немцы стремятся захватить Волхов и не дать подвоза.

Во время бомбежки сильно ушибло одного бойца. У нас взяли на орудие одного и меня заставили работать 7-м номером.

Говорят, что и Петергоф, и Ориенбаум наши. Правда или нет – неизвестно.

Водки нам опять почему-то не дали, да и к лучшему – не так жрать будет хотеться.

Когда покончу с ветряком, попробую взяться за воздушное ружье для добывания себе птицы. Но как это сделать, подумаю. Как вспомню про дом, мамуленьку, так грусть берет и на душе становится как-то тяжело. Как они там, мои родные?

За последнее время нам почему-то не разрешают стрелять.

2–3–4 декабря 1941 года

Что-то по тревоге не стреляют больше зенитки, наверно, нет снарядов. Наши все наступают на Юге, хотя в последней газете об этом ничего нет. На Москву немец все

* Продолжение. Начало в № 4 (56), 2010 г.

жмет и жмет. 2-го вечером я было поставил свой ветряк на скорую руку. Ветер был сильный, и ток он давал ничего, только сильно лампы мигали. Ночью ветер переменялся, и сломалась ось – очень тонкая была.

Сегодня ходил по заводу, думая найти ось и мотор для того, чтобы переделать его на динамо, но кроме дерева на ось больше ничего не нашел. Моторчиков различных уйма, но все асинхронные. Ходил по фабрике целый час: везде беспорядок. Когда-то здесь было движение, шум, а сейчас тишина, в одном жилом красивом домике все разбросано, стоит побитая фисгармония и прочее. Что значит война?!

В последнее время на дворе не холодно, несет снег.

Плохи дела с шамовкой, все время у нас разговоры, возмущения. Про это узнало даже наше командование и разбирало с нами этот вопрос. Немцы уже около Волховстроя, заняли Тихвин.

Все говорят, что мы, мол, очищаем себе дорогу к Москве, вообще к стране, чтобы получить хлеб, но, видно, из этого ничего не получится.

Как дальше будет с питанием – черт его знает! Я уже было задумался: где бы достать духовое ружье: можно было бы бить воробьев – их здесь хватает. Все говорят, что кто переживет 41 год, тот останется жив, но 41 год уже кончается! Как понять это? Война еще не скоро кончится. Если бы немцев мы начали бить как на юге – вот это бы дело. Наверно, когда Англия покончит с Ливией, то начнет войну с берега Франции. Она уже высаживала патрули.

5–6–7 декабря 1941 года

Есть свет и, наконец-таки, я имею возможность писать. Что произошло за это время? Ветряк я не кончил, а несколько дней назад со Славкой Егоровым затеяли сделать приспособление для ловли рыбы. Все делаем из сетей, найденных в сарайчике. Способ ловли: прорубь окружаем сеткой до дна с отверстием, рыба, идя на свет и чистый воздух, попадает в загородку, оттуда ловится сачком. Может быть, что-нибудь и выйдет из нашей затеи. Вот 7 и 8 числа стоят самые сильные холода за всю эту зиму, мороз в 21 градус с ветром. На фронте, на

Ростове, наши жмут, а за 7–8 число жмут немцев и под Калинин. На нашем фронте все по-старому. Недавно СБ* бомбил «Пишмаш» видно было, как он сбросил 6 бомб.

Со жратвой херово, все время охота жрать. Идут слухи, что населению города предлагают своими силами уехать из окружения. На Тихвинском и Волховском участке херово. Херово также и у Тулы, немцы ее окружают.

У меня сапоги разорвались зверски, скоро из левого сапога будут моргать пальцы. Про письма я и не думаю. Вчера у нас была большая радость: привезли, наконец, кино. Картина «Возвращение Максима» мне понравилась, хотя я и смотрел ее несколько раз. Вчера из-за света не удалось все просмотреть, так сегодня утром досматривали. Скоро, наверно, нам принесут мандолину и балалайку, я в свое время просил полковника достать их.

Живем сравнительно весело, кончилась картежная горячка, наступило затишье: играют в домино, шахматы и прочее, даже думаем сделать бильярд. Получится что – не знаю. Сейчас я читаю «Шерлока Холмса», замечательные рассказы.

В данную минуту на дворе полное безобразие: метет снег, мороз и прочее.

Плохо, когда нет света: сидишь и не знаешь, чем заняться.

Сейчас замполит пришел и сказал, что меня посылают на конференцию красногвардейцев корпуса в Ленинград. Поедем, посмотрим, послушаем. Сейчас нам дают продуктов: 300 г хлеба, 100 г сухарей, 200 г крупы, 125 г мяса и 35 г сахара и прочее. Хорошо, даже очень, если бы что-то удалось нам с рыбой. Я одно время думал даже бить воробьев.

Говорят, идут слухи, что в городе уже кое-где едят кошек и собак (точно не знаю, хотя насчет кошек сам видел).

У меня столько дел, что не знаю, чем заняться.

8 декабря 1941 года

Приехало какое-то начальство – политрук, комиссия. Было комсомольское собрание, ругали, ругали,

потом на другом собрании выбирали делегатов на конференцию, избрали меня и Ивана Щербакова. Была херовая погода, дул ветер со снегом, вечером чинили сети. Говорят, немцы думали наступать, и вообще, за последние два дня часто слышно пулеметную стрельбу и минометы. В связи с херовой погодой налетов, а следовательно и тревог, нет. Прочел «Шерлока Холмса».

Скоро уже год, как я служу в армии. Про дом я даже и не смею вспоминать.

Сапоги мои совсем сносились, рваные здорово, когда дадут – не знаю, хотя им скоро исполнится год.

9–10 декабря 1941 года

Через 6 дней точно будет год, как я уехал из дома.

В какой век я живу?! Каждый день приносят все новые и новые вести. 7-го или 8-го числа Япония напала на США и Великобританию. Наши войска разбили группу войск генерала Шмида** и заняли Тихвин, немцы в панике бегут, переодеваясь в гражданское, потери их – 7 тысяч только убитыми, разбито 3 дивизии. Наши контратаки все усиливаются и на Западном фронте. На Тульском участке около Сталиногорска немцев разбили и заставили отойти, то же самое и на Калининском участке фронта. На Юге бои идут около Таганрога. Может быть, если разобьют немцев под Ленинградом и очистят дорогу, дадут больше шамовки, а то стали давать хлеб, сделанный черт его знает из чего <...> черный, крупный. Но нам хотя бы и данного дали в волю. Я теперь как позавтракаю, живу только тем, что жду обеда. Обед считается наивысшим удовлетворением потребностей.

После обеда жду еще одного и последнего за сегодня удовлетворения – ужина, после ужина цикл аналогичен, чувствуется, что больше нечего ждать до следующего утра.

Эх, черт возьми, отогнали бы немцев.

Теперь мы уже перешли в 4-й дивизион, а 22-ю батарею – в противотанковую. Занятия теперь целый день без перерыва. Вчера замерз зверски на дворе (все готовят меня на 1-го номера). Стали гонять с дис-

* СБ – стратегический бомбардировщик. – *Ред.*

** Вероятно, имеется ввиду генерал Р. Шмидт. – *Ред.*

циплиной, с подъемом и прочим, надоело уже.

Сколько я ни задумал сделать, все нет времени: ветряк, сети для рыбы, радио и, наконец, бильярд.

11 декабря 1941 года

Сегодня занятия и занятия. С нами стали обращаться просто невыносимо. Сегодня на подъем шуму много было.

Сегодня должен был быть суд. Я, как участник одного в качестве заседателя, должен буду принять участие. Судили, ну и засудили.

Пришло известие, что наши войска имеют крупные успехи около города Елец. Немцы оставили на поле боя 12 тысяч человек убитыми и ранеными и много трофеев.

Вечером к нам неожиданно приехали артисты – 2 человека: женщина и мужчина. Были песни и интересные рассказы. Кончили после всего сети, думали их ночью ставить, но была сильнейшая пурга.

12 – 13 декабря 1941 года

Все по-старому. Наши все жмут немцев почти везде. 13-го числа получили замечательное известие о нашей большой победе на Западном фронте.

Потери немцев около 1500 танков и 85 тысяч человек.

Наши отбили город Сталиногорск, Винев* и прочее. Неужели наши оставались там и во время немцев. Целы ли? Наверядли. Старшина говорит, что на складах появилось много муки и ходит много машин. Хлеб нам давали зверский на вид, чернее земли, а состав, так сам черт не разберет, какие-то стружки даже попадают, говорят, что вика. Но старшина говорит, что скоро дадут хлеб получше. Меня со Щербак-вым назначили на конференцию, и сегодня утром я ходил на ДКП**, где нас инструктировали.

Налетов, а следовательно и тревог, нет уже вот несколько дней подряд. Все время занятия. С сеткой мы вот волюнимся с каких пор, а так и не поставили. Да и все мои дела заглохли.

Между прочим, 12-го числа мы с Довбитом проводили радио, мороз зверский, ветер так и режет лицо. Я

было напорол-таки дел, что наша батарея не имела связи почти час. Но я в этом не виноват, так как делал по указаниям.

Провели радио вечером, но все-таки плоховато, работает тихо.

13-го числа вечером был лектор, читал о Дмитрие Донском. Между прочим, после вчерашней ходьбы у меня сильно болят ноги с непривычки, а мне довелось-таки копаться в снегу по поясу.

14 декабря 1941 года.

В 7 часов позавтракали и двинулись. От ДКП мы пошли в клуб им. «1-й пятилетки», что около Мариинского театра, далеко, около 6 км, по дороге встречались разрушенные дома, воронки.

Было холодно и скользко. На конференции меня поставили вести запись речей. Ну и умаялся, рука так и болит, в киоске купил несколько блокнотов и книгу «Повести», ручку не удалось купить. Здесь выступали наш командир 2-го корпуса ПВО генерал-майор и прочие, здорово <...> выступали и бойцы и командиры в прениях. Был и обед для нас. Домой ехали случайно на автомашине до ДКП, а оттуда пешком. У нас очень заинтересовались итогами. На конференции нам показали в конце концерт с участием заслуженных артистов. Словом, все было хорошо, а главное – концерт и обед, который мне понравился не только со стороны вкусовых и питательных качеств, но и со стороны культурности: были ножи, вилки и тарелки. Я почти разучился есть вилкой и ножом. Завтра придется еще идти на ДКП для окончательной редакции записей.

Да, сегодня год, как я последний вечер был дома, фотографировался, шлялся и гулял с одной девчонкой. Скоро год, как я в армии. Как быстро, кажется, он прошел. Если бы не было войны, то через год имел бы шансы попасть домой, учиться дальше. А теперь... Ну, да ладно, как-нибудь. Как говорится: «Будем живы, не помрем».

15 декабря 1941 года

Сегодня ровно год, как я уехал

навсегда из дома... Почему мне влезло в голову написать «навсегда»?

Неужели в самом деле?

Сегодня утром было 23 градуса мороза, и мне досталось топтать в штаб полка. Всю ночь наши пушки сильно били, и сейчас бьют.

В штабе долго ждал, а потом переписывал свои записи, проголодался и около 6 часов пришел домой, повар молодец, дал хорошо пошамать. Думал, что завтра мне дадут командировочную и удастся пошататься по городу, но таковых нет. Когда выходил из штаба, немецкие снаряды летели с противным свистом, рвались рядом, быстро дошел домой. Читал свои «Повести», книга ничего. Будучи в штабе, слышал по радио, что наши взяли Узловую, и от одного лейтенанта слышал, что под Мгой идут сильные бои, наши идут вперед, и сегодня или завтра Мга будет наша.

Написать ли письмо маме? Может быть, как-нибудь дойдет, ведь немцев выбили. Теперь наш дивизион войсковой, то есть если немца погонят, то мы идем следом.

Во всем чувствуется подготовка к слову блокады немцев, взялись сильно.

Черт возьми! Какое роковое это 15-е число: 15-го я уехал из дома, 15-го драпали из Сосновой Поляны.

16 декабря 1941 года

Сегодня утром выполнял приказание по освещению одной вещи.

Потом опять ходил в штаб, писал. Мороз немного слабее, за ночь намело снегу. По радио слышал, что наши взяли Узловую, а наступление ведется на всех фронтах. Наши вчера заняли г. Клин, немцы в панике бегут. Думаю написать сейчас домой письмо, авось дойдет.

За день потеплело. Говорят, что комбат 20-го числа уходит от нас. Ввели новое расписание. Теперь подъем в 7 часов, а завтрак в 8, обед в 3, отбой в 23 часа, словом, совсем как в Горелово или в Н. Петергофе***. Ввели даже физзарядку. Санинструктор устроил нам импровизированную баню в комнате, помылись ничего. Наши ребята все режутся в очко. Написал письмо домой.

17–18–19 декабря 1941 года

Все не было времени записать.

* Вероятно, имеется ввиду районный центр Тульской области г. Винёв. – *Ред.*

** ДКП – дивизионный командный пункт. – *Ред.*

*** Н. Петергоф – г. Новый Петергоф, г. Петродворец. – *Ред.*

Вечером 17-го числа добили, но не поставили, а 18-го была лекция и все дело сорвала. Наверно, я, черт возьми, курить привык. Надумал сделать котелки, с азартом взялся за дело, достал противогазовых старых коробок, разрезал, но дальше дело не пошло. Херовые наши ребята, не дружные, все время споры, ругань. То из-за шамовки, то из-за дежурств. Особенно спорят двое. Сегодня поругался с несколькими, просто невыносимо жить. Сегодня-таки продолбили и поставили сетку, хоть и херово (короткая), авось что-нибудь попадетсЯ. Я замерз зверски. Заступил дежурным.

Наши на фронтах жмут. Говорят, что заняли Мгу (в какой раз!), но на этот раз официально. Ну что же, это для нас лучше. Говорят, привезли колбасу, концентрат и сухари, наверно, НЗ*.

Недавно дали приказ приготовиться, чтобы в случае уезда быть готовым. Я свой ранец уже приготовил. У нас теперь новый ком. взвода, парень, с первых впечатлений, вроде ничего. Выполнял задания нашего нового комбата лейтенанта Науменко, делал чемодан. Написал недавно письмо мамой, получат ли?

20–21 декабря 1941 года

Уже 6 месяцев войны! Целые полгода! Наши все продвигаются. Вот в сегодняшних газетах сообщение о разгроме группировки около Войбокало, недалеко от нас, очищена ж/д Тихвин – Волхов.

По новой раскладке мы получаем колбасу вместо мяса и опять сухари, 300 г хлеба и 100 г сухарей. Повар лапшу теперь делает сам.

Все с рыбой у нас не ладится: сделать сделали, а только не попадает. Не мешало принятсья бы за воробьев – их тут много.

Теперь я уже не буду больше дежурить по батарее. Да оно и к лучшему: меньше драть будут.

Вчера каким-то образом и кто-то сумел с кладовой спереть кило колбасы и 8 кг сухарей, все нашли, преступники ищутся.

Сейчас пишу эти строки, находясь в дежурстве с попом Ключевским; пришел погретсья и вот использую время. Вчера притащил с завода мотор: думал сделать финку,



«Налаживание связи». Худ. Н. И. Шарф

а на моторе с точилом отделать. Материал здесь есть хороший. Славка каждый день получает письма, вчера и сегодня, да и не очень-то старые. Неужели я не получу из дома?

Что-то я простудился, кашель, насморк.

Скоро ли мы выедем в поход? За каждый пустяк приходится со всеми ругаться, а все-таки нервы у меня разболтались. Зло на всех берет. Ругаешьсья, ругаешьсья, потом подумаешь и бросишь.

Эх, когда же это кончится? Надоело. Все вспоминается жизнь в Петергофе, хотя сначала она и была трудной, но вспоминается с каким-то чувством, не так, как жизнь дома. Вся та жизнь в Н. Петергофе и Горелове имела свою красивую, лирическую сторону. Мы все время вспоминаем.

Про шамовку у нас вечно разговоры, споры. Когда все это кончится?

Сейчас 5 часов утра, моросит мелкий дождь. Вот так зима!

21-го числа ходил было за фанерой и попал чуть ли не на самую передовую, меня задержали, водили под конвоем по штабам и наконец, отпустили. Веселенькая была история!

22–23 декабря 1941 года

Ровно 6 месяцев войны и точно год, как нас обмундировали. Немцы все отступают. Уже нами заняты Будогощь и Тосно и прочее, и прочее. 22-го числа была самая настоящая слякоть, моросил дождь и прочее, но сегодня ударил мороз. Когда стоял на посту утром 22 числа, то сильно немцы стреляли по городу. Все к нам проводят свет. Электромонтер говорит, что теперь свет у нас будет все время. Сегодня зажегся он в 11 часов вечера. Какая радость! Как угнетающе действует темнота. Взались наши за дисциплину. Науменко так и гоняет. Вчера и сегодня был комиссар дивизиона, вот как они стараются сделать караул и прочее. Ужин теперь не в 7, а в 8 часов вечера. Сегодня вечером опять была свалка с ужином. Новый ком. взвода показывает себя пока с лучшей стороны. Занимаются с толком, а не так, как это было раньше.

Что-то за последние 2–3 дня сравнительно пища улучшается, суп на завтрак как-будто стали давать немного гуще, так же и на обед, вот только с ужином получается херня. То блины, то лапша, и все не удовлетворяет.

Сегодня вечером вздумал написать письмо маме. Написал на имя Родзевичей. Может быть, получат.

* НЗ – неприкосновенный запас. – Ред.

Все возился целый день почти с котелками.

Как проходят незаметно дни, ничего почти нельзя сделать, да и темнота еще мучает. С нашей рыбой ничего не получается, да я говорил Славке, что из этого ничего не выйдет, нужно специальное приспособление. Думаю поставить вентирь с лампочкой. Может быть, так будет лучше.

А наши здорово бьют немцев! За 3 дня, с 17-го по 20-е, захвачено 366 танков и полтысячи орудий. Вот так здорово! Гитлер теперь сам будет всеми силами командовать.

Интересно было почитать мои записи примерно месяца два назад. Все они начинаются скептикой, пессимизмом, неверием, а сейчас... сейчас другое дело.

24 декабря 1941 года

Скоро, скоро Новый год. 1942. Чего-то ждешь к Новому году. Неужели нам не прибавят хлеба? По-моему, имеется много шансов. Ведь я в газете за 20 число читал, что дорога к Тихвину свободна, концентрируются составы, а это писали 18 числа так что сейчас, наверно, поезда ходят до самого Волхова. Эх, дали бы озаглавить Новый год хотя бы 100 г, чтобы смочить его хотя бы и этим количеством. Какой он будет?

Наши ребята получают письма с Москвы за 15 декабря. Неужели я не получу известия?

Сегодня приходили какие-то чины. Плохи дела на батарее, сущий бардак. Если разберутся в этом, и достанется кому надо. Хлеб старшина у нас взял 100 кг – прошло, теперь кража колбасы и сухарей тоже, по-видимому, пройдет. Потом за грубое отношение, за угрозы, за бардак с раздачей пищи – все это будет разбираться. Вот если бы приехали с особого, честное слово даю, что я не скрывать бы ничего, все и всех бы вывел на чистую воду, зло ведь взяло. И так не хватает, а тут еще обманывают. И всему вина повара, младшего лейтенанта, старшины, Бычкова и прочих. Словом, это 20-я батарея принесла к нам полный бардак.

Ребята говорят, что если бываешь в городе, то встречаешь много гробов на дороге.

Скорей бы кто-нибудь приехал бы раскрыть этот бардак. Зло берет, что некому и пожаловаться, старшине, попробуй скажи – порядком выругает, а комиссар, то про него и говорить не приходится, чурбан чурбаном, бездеятельный, только что и знает, что приказывает без толку. Теперь опять до 29-го привезли хлеб, сухарей не будет. Сегодня выменял пачку папирос за порцию сахара, думаю и впредь так делать. Сегодня пришлось целый день быть на дворе, мерзнуть, работая за ком. приборного. Интересно вспомнить, как я служил год. В Н. Петергофе сначала был красноармейцем, потом ком. отд., в Горелово опять красноармейцем, Сошной Поляне – красноармейцем и Ленинграде – электриком.

25 декабря 1941 года

Наши ночью, когда я стоял, здорово давали немцам из пушек-автоматов. Взял меня черт сесть за игру и просадить свои 38 руб. и занять еще столько же и те проиграть. Идут слухи, что в городе уже прибавили по 100 гр., что наши заняли Дудергоф (южнее Красного около Вороньей горы).

Делал финку, натер себе руки – ужасно, но сделать основное сделал, осталось сделать ручку и закалить. Эх, хоть бы дали на Новый год по 100 г водки, чтобы «смочить» его. Ведь 40-й год у меня «сухой» остался. Это ничего, что в каждой записке я вспоминаю про «шнапс». Обед как-будто бы стали давать получше, но все же. Сейчас на дворе мороз «нормальный», около 20 градусов.

26 декабря 1941 года

Ну и морозик держится сегодня. 22 градуса мороза, а иногда доходит до 27 градусов. Целый день наши ребята занимались на дворе, а я выполнял приказания и переписывал устройство прибора. Продолжал делать финку. Херово только закаляется.

Обед был на славу: таких густых щей я не ел уже около 2-х месяцев.

Говорят, что как-будто наши заняли Красное*, вот бы было хорошо! Говорят еще, что немцы с нашего участка спешно увозят оружие.

Сегодня рано утром наши крепко давали немцам.

Опять сегодня во время ужина произошла свалка, и опять через Егорова. Ну и сволочь же. Теперь решили и суп брать, как хлеб. Я думаю, что теперь не должно быть разговоров, что, мол, мне ничего не попало, одна вода, а себе ты налил густо. Света не было почти сутки. На фронтах наши всюду имеют успехи.

Какие-то у меня сейчас в последние дни чувства возникли, ожидания, чего-то ждешь и сам не знаешь. Не уезжать ли нам? Интересно, сколько нам прибавят хлеба. Говорят, что уже разрешили переселяться в Кировский район и к нам уже приехала пожкоманда и прочее. Сегодня вечером было собрание, где старшина делал доклад о работе пищеблока, но ничего существенного не раскрылось, все вокруг да около. Получается так, что никто не виноват ни в чем.

27 декабря 1941 года

Стою с 3-х часов до 5**. Ну и мороз на дворе. 27 градусов мороза, пока стоял, стал весь белый. Занятий почти не было. С финкой у меня дело не получается – не закаляется. Думаю ее нахер отдать Сергею в счет долга. Уже второй раз я меняю папиросы на сахар. Так дни за днями проходит время, от завтрака до обеда, от обеда до ужина, а на завтра цикл снова повторяется. Света часто нет. Мороз все держится около 20 градусов. Иду в наряд к комсоставской землянке. С 8-ми часов вечера стоять до 12 часов, с 3-х до полшестого; замерз зверски, а с 7 до 8 ужасно.

В первые часы все ходил, размышлял примерно так. Первое. Нужно всеми силами погасить долг, а потом начать собирать деньги. Второе. Сделать передвижную печку. Деньги можно достать легко. Папиросы – раз, водка (если будет) – два. Все это смотря по обстоятельствам можно будет собрать около 140–150 руб. в месяц, не считая полочки. А деньги пригодятся мне очень. Думал насчет родни, судьба ее, думал насчет моей будущей жизни, если буду жив. Соображал насчет токарного станка и прочее. Эх, и охота радио заняться, ведь все забуду. Сколько же протянется война?

Наши все жмут, что-то и стрельбы не слышно. Наши начали на-

* Вероятно, имеется в виду Красное Село. – *Ред.*

** Имеется в виду несение службы на посту. – *Ред.*

ступать 16 ноября, а заняли много. Так и правда, что немцы говорили, что Москву можно рассмотреть в бинокль, всего 28 км, а потом их жиманули. Черт возьми, а Мга все еще, говорят, в руках у немцев.

28 декабря 1941 года

Стоя на посту с 3 до 5 и с 7 до 8, замерз зверски. Ребята говорят, что на Западном фронте наши заняли 4 города. Говорят, что Таганрог наши обходят.

29 декабря 1941 года

За вчерашнее число ничего такого не случилось; ел, спал. Было несколько тревог. Мороз все-таки держится сильный. Был на фабрике, притащил два меховых воротника старых и 2 брезентовых чулка. Думаю, что-нибудь сообразить себе на ноги. Принес чистой бумаги.

Сегодня была комиссия по проверке батареи. Проверяли батарею на первенство ее в полку. Прибористы все засыпали. Опять несколько раз ругался с ребятами. Особенно с приписниками. Плохой народ. На счет дележа шамовки шуму теперь нет. Идут слухи, что с первого нам дадут по 800 г и по 100 г это говорит нам старшина. Завтра должны давать подарки. Дудергоф и Красное немцы еще держат, все еще стреляют по городу. Наши успехи везде, говорят, наши войска обходят г. Орел. Политрук дал мне новую работенку – сделать ему чемодан. Думаю сделать себе карманный ножик.

Неожиданно загорелся дом конторы фабрики и сгорел дотла, сгорела и библиотека и прочее. Последнее время 28–29 жрать почему-то охота сильнее, чем раньше дней 4–5 назад. Сергей не хочет отдавать свой долг за финку и папиросы, со мной согласился за 35 рублей взять мои папиросы Алферьев. Я все думаю собрать немного сахару на первое число. Это получится, но с трудом.

Черт возьми, получила ли мама мои письма или нет? Егоров так почти каждый день получает.

30 декабря 1941 года

Утром старшина уехал, привезет ли чего? Меня вызывали в землянку комсостава, там сидит воентехник и командование. Первый начал мне устраивать экзамен по знанию своего дела, я, конечно, что знал, то и говорил. Словом, он остался до-

волен, нужно только схему изучить. Прихожу домой, вижу необычную суматоху, все собираются. «Бучинский, – говорят, – знаешь, что мы уезжаем?» Я сразу догадался. Собираю свои вещи и прочее. Чувствую пустое место на душе, камень. Еще нет ножа, неудобно, как без рук. Никто ничего толком не знает. Между прочим, со вчерашнего дня у нас введено, что за мат будут взysкивать; все ругаются, а командир неистовствует, пищит. У того кружку сперли, у того ложку.

На фабрике вот третьи сутки все горит контора.

Пришел комиссар дивизиона. Приехал старшина – разочарование: никакой водки, никакой добавки хлеба, привез вместо мяса рыбные консервы и сухари. На душе сразу легло 2 тяжелых камня комом. Еще устроили отбой 2-му орудию и связи с разведкой. Никто толком ничего не знает, все начеку, думают одни, что выезд будет, другие говорят, что нет. Честное слово, не поймешь. Но уехать никуда не уехать. Комиссар собрал всех. Поругал за провал проверки и вообще первенства прибористами и прочее.

Между прочим, сказал, что Сталин имел совещание с комитетом резервов по вопросу доставки Ленинграду продуктов в один день сразу за 100 дней, чтобы удовлетворить население сразу и полностью. Дорогу наши все очищают.

Вечером загорелась будка милиционера, что около кухни, еле-еле затушили, если бы еще немного, загорелась бы кухня.

Старшина говорит, что водки на складе до черта. Неужели не дадут? Для чего она тогда? На дворе стоит все мороз в 20 градусов. Доделал финку. Меняю я папиросы на сахар, вернее менял, так как сейчас папиросы я отдал за долг.

31 декабря 1941 года

Последний день 41-го года! Нет больше 41-го года! Что я прожил за 41-й год. В основном он является вырванным, вырезанным из тела моей жизни и является для моей дальнейшей жизни тормозом, багажом, несмотря на то, что я получил много уроков здравомыслия в своих поступках, сумел критически отнестись к своей прошлой жизни, осудить ее, найти в ней хорошие и плохие стороны. Что несет мне 42-й.

В основном он, наверно, будет продолжением 41-го года, с той лишь разницей, что весь 42-й год будет полон различными неожиданностями, случаями и прочим. Если в 41-м году я развился духовно, морально, то одновременно отстал на один год от культурного развития, развития наиболее любимой отрасли – радио. С одной стороны, война на руку, так как она прекратила развитие радио и тем самым я не отстану от его развития. Но так думать эгоистично – преступление.

В 41-м году мне пришлось резко изменить течение привычного русла реки моей жизни, пережить опасности и прочее.

Очевидно, сей дневничок мне суждено будет окончить. Хотя и не в Ленинграде, но все-таки недалеко от него (если, конечно, переедем).

Раньше, бывало, в 12 часов ночи идет торжественная встреча Нового года и прощание со Старым годом. Шум, веселье, радость, выпивка и прочее. А сейчас... Сейчас в суровое время войны придется его встречать сухо, не весело, хотя и сейчас должны в 6 часов прийти к нам делегаты, но все-таки без 100 грамм традиционных это не то.

На январь привезли консервы, как их будут давать? – каши привезли мало, а макароны и лапша уже приелись, хоть это и условно, так как сейчас мне дай целый мешок макарон, и я его уничтожу. Что такое нет писем?! Сегодня рано утром радио принесло радостную весть, наши десанты взяли Керчь и Феодосию. Какая радость к Новому году! Какая радость: наша батарея заняла 1-е место в полку! Наше командование получило повышение на один кубик. Комбат дерет нас, он теперь старший лейтенант. Как хорошо вспоминать встречи Нового года со своими друзьями: 38-й с Димочкой и Борисом и 39-й год, 40-й год с Борисом, Гришей и прочими. Будет еще такое время? Что ж остается делать, пожелать себе счастливой жизни и счастливо прожить 42-й год.

Я надумал собирать деньги для покупки таких вещей, как часы и прочее. Деньги, думаю, можно будет собрать с полочки своей и от выручки за продажу папирос, а если будет водка, то и ее.

Сейчас 5 часов вечера, ждем делегатов, все чистим, помещения тоже. Думаю не спать вплоть до 12

часов, чтобы традиционно встретить 42-й год, где будет решаться, может быть, судьба нас и всех моих родных, про которых я сейчас ровно ничего не знаю. Часов примерно в 6 вечера к нам приехали рабочие представители, всего 3 человека. Одна из них девушка, молодая, так на вид ничего. Зачитали приказ о занятии нашей батареи 1-го места. Выступали некоторые представители. Потом пошли в 9-ю комнату, где наши показали свое «творчество». Я же не спал до самого наступления 1942 года, до 12 часов. Читал газеты, несмотря на то, что спать хотелось зверски и в 5 часов утра заступать. Вот и 12 часов, еще несколько секунд – и стрелка начнет отсчитывать время уже в Новом, 1942 году.

Новый год – 1942. 1 января 5 минут первого, наконец-таки дождался, ложусь спать, через 4,5 часа нужно на пост.

Несу службу на посту. На дворе мороз средний, но с ветерком. Да, забыл совсем: в 1941 году я дождался-таки, когда мои сапоги взяли для ремонта, за это я пообещал 3 пачки папирос. Нужно все-таки сегодня днем написать письмо домой, может быть, получат, хотя это нужно было сделать раньше.

Как «сюрприз» на 42 год вышел Указ о военном налоге, и теперь мой папа будет платить 85 руб. каждый месяц.

Говорят, поступило приказание сегодня проводить занятия. Черт возьми, накануне 42 года у меня произошла небольшая неприятность, но она сильно меня задела. Дело началось с кабеля телефонизации, взялись произвольно, без меня, чинить, а я доложил ком. Взвода, но получилось так, что я остался виноват. Теперь немного знаю нашего нового лейтенанта.

Работы у меня уйма, не знаю просто, за что братья. Ящик для полковника, нож, бурки (особенно), и сегодня еще получил заказ на 2 больших ящика, кроме этого нужно сделать шомпол, доделать котелки, а времени почти нет свободного. Если бы не было наряда, а то чуть освободился, сейчас же на дежурство.

Дали нам консервы – сардинки. Дали по 75 г, но толку от них как от козла молока, так как первое и второе без мяса. На ужин был наконец-таки перловый суп с рыбой вместо



«Солдат пишет письмо». Худ. Н. И. Шарф

мяса. Ну и мороз на дворе, по-моему, градусов 30 будет.

Оказывается, я почти всю химию забыл, что же будет еще через год, два, а то и три?

На дворе холодно, а у меня все еще нет сапог, свои я дал в починку, выйдет ли что-либо с них, не знаю. Словом, нужно искать барахло и шить себе бурки, а не то останешься без ног. На ужин были сухари.

Записал свою жизнь, начиная с тех пор, как мы выехали из Ленинграда и до постройки большой землянки. Нужно будет записать за 15 июля (Сосновая поляна)

2 января 1942 года (пятница)

Пришли, наконец, артисты. Всего 6 человек: 2 скрипки, виолончель, певица и балерина. Получил заказ от комбата к вечеру сделать 2 ящика, но в связи с артистами уговорил сделать всего 1 ящик. Хотели было восполь-

зоваться случаем и со Славкой пообедать на пару, но не вышло. После обеда артисты выступали замечательно. Исполнили: да и не даром: тут был даже доцент филармонии* Михаил Михайлович Беляков, Сталинский стипендиат и прочие – все артисты театра им. Кирова. Выступали мало, но хорошо. К вечеру сделал только 1 ящик. Газет что-то нет. Говорят, наши взяли Калугу и пр.

3 января 1942 года (суббота)

Славка дал мне свои сапоги, пока ношу. На дворе все так же холодно. С завода стащил старые фуфайки, бурки, – думаю сшить на ноги что-нибудь. Не ладятся отношения у меня с командиром, я очень дерзок, горд и особенно горд, и независим. Из-за этого сегодня он умудрился дать мне наряд. А все-таки херовый он, как сморчок, маленький да и только. Ну, хер с ним.

* Вероятно, консерватории. – Ред.

Замечаю, что стал меньше ругаться. Все делал, делал, но чемоданчик полковнику так и не кончил, а ящики доделал; он меня действительно послал в наряд, в караул, но это, наверно, по очереди. Умудрился съесть обед один, повар положил щедро, поели хоть за все время.

Стоять было не очень холодно.

Идут слухи, что «наверно» с 5-го должны добавить хлеба. В городе полно муки и принимают на работу пекарей. Все говорят, да говорят, на Новый год и то должны были дать, а и то не дали, маловероятно и сейчас, а впрочем...

4 января 1942 года

(воскресенье)

Старшина поехал. Может быть...

Стоишь на посту, одна лишь шамовка в голову лезет, даже надоело. С ужина я спер сухарь и на посту поживился. Ребята получили письма из Тулы за 10 дней. Приехал старшина – опять ничего, привез вместо консервов солонину. Завтра идем в баню.

В газете сообщили о больших трофеях в боях за Керчь и Феодосию.

Ходил на фабрику, принес на валенки, блокноты – вот где было бы время решать задачки, бумаги уйма.

5 января 1942 года

(понедельник)

Ну и расписание вчера ввели, как нельзя «лучше». Такого даже и в мирное время не было. Подъем в 6 часов 50 минут, завтрак в 8, обед в 3.30, а ужин в 9.30 вечера. Словом, околесица. У нас ремонтируют пушки, и я разобрал ОРЛ, открыл и так и оставил, нанесло снегу уйму и винтики рассыпались. Сидел все и мудрил, как потом собрать. Сидим вечером после ужина, и к нам входит Николай Иванович?, да, он самый. Все страшно обрадовались, все-таки свой человек. Николай Иванович побывал везде: был в пехоте, даже ком. взвода ему 2-го присвоил звание сержанта.

Газет сегодня нет. Связисты все проводят радио, но ничего не выходит у них. Сейчас на дворе оттепель.

Неожиданно появился свет, и привезли кино, смотрим кино «Амальгеды» (Посвящен Амангельды Иманову (1873–1919), одному из руководителей Среднеазиат-

ского восстания (1916) и борьбы за советскую власть в Казахстане. Бывший бунтарь-одиночка, первым выступивший против царских карательных отрядов, в 1919 году Амангельды стал военным комиссаром. Убит контрреволюционерами. Фильм снят в 1939 году). Перед этим строгал материал на бильярд.

После ужина написал письмо домой. Все еще надеюсь, что они получают. Комиссар говорит, что сам напишет в горисполком. Как это? Зачем?

6 января 1942 года (вторник)

Вместо консервов дают солонину, говорят, конина. Сегодня мне работы дали по горло. Первое: утром комбат и комиссар сказали, чтобы я нашел лист фанеры, прорубил окно в дверях для выдачи пищи; только я было занялся этим как поступило приказание кончать с пушкой, то есть присоединять кабели и ОРЛ. Провозился до обеда, холод зверский – все время бегал греть руки, но все сделал правильно и после обеда пробовали. Как назло приперся пом. начштаба – Богомаз, и обед пришлось брать в полчетвертого. Жрать охота – нет мочи.

До ужина я кончил окно и поел там же. Ну и повар навалил супу, да какого! Такого, кажется мне, никогда еще не ел – много и густо. Только собрался спать, как на тебе, комсомольское собрание, провозились до 12 часов, а с 12 мне на пост до 2-х часов. Эх, этот мне комсомол, зря вступил.

7 января 1942 год (среда)

Только сегодня пришло мое письмо. Когда стоял на дежурстве, случилось небольшое происшествие: вдруг слышу выстрел, потом звук полета снаряда тр-тр-тр, все усиливающийся, я думал, что он полетит через нас, но звук все приближался, и я инстинктивно присел в окопе разведки – снаряд упал где-то впереди. Сегодня его случайно обнаружили около 1-го орудия, здоровенный, кг на 100, калибром сантиметров 20. Соединял, соединял я ОРЛ, а опять случилась неисправность: свет не горит – опять возня на морозе, не работает еще и телефонизация. Черт возьми, как нет ничего, так нет, а потом все как повалится, не знаешь, за что браться.

Нечаянно слышал разговор повара, что с 10-го должны прибавить хлеба. Какой уже раз?! Ждали 1-го, 5-го, теперь 10-го, а потом, наверно, 15-го, и так все время. Говорят, что теперь вместо сахара будут давать шоколад. Здесь, в армии, всего попробуешь: и шпрот, и сардин, и шоколад; раньше эти вещи были почти недоступны. Мороз сегодня стоит около 10–15 градусов.

8 января 1942 года

Курить охота. Неужели я привык? Стою на посту, сейчас 2 часа ночи. На дворе холодно – мороз. Цельный день возился с телефонизацией, освещением. Свет сделал, а телефонизация не вышла. Холодно.

Да, завтра старшина едет в город. Что привезет нового? Вчера и сегодня, целый день, свет. Особенно сегодня горел до 11 часов вечера. Сегодня на обед разнообразие – щи. Какая-то вялость чувствуется в движениях, ночью плохо вставать, спать охота здорово. Наш комвзвода показался с одной стороны замечательным мужиком. Сегодня сообща разбирали причину неисправности и прочее. Пользуясь светом, я делаю расчеты, наши выводы и прочее о работе трех электрических ламп, в частности детектора, вспоминаю схемы приемника, которые успел основательно позабыть.

Десну я натер сухарями и болит, все это оттого, что растут зубы «мудрости». Сегодня лишь только получил нижнее белье, в бане 5-го числа надел только теплое, дали его новым. Недавно было вот комсомольское собрание, и мне дали сделать беседы на тему: бои в Ливии, потом обязали организовать музкружок, для этого меня должны послать в город за мандолиной и балалайкой, постараюсь достать и блокнотов, так как сия книжка скоро кончится. Говорят, что завтра старшина привезет на сахар, а шоколад по 28 г. Интересно, что здесь придется попробовать таких вещей, какие дома я никогда не пробовал; сардины, шпроты ели, остался только шоколад. С ножиком так дело и заглохло, хотя я ручку и достал.

Завтракали позже, должен отремонтировать кабель, на него пойдет не меньше 1–2 дней, постараюсь получить шамовку на одного. Все мысли на шамовку, так и лезет блажь в голову, все думаешь о ней. Когда

же это кончится? Буду ли я еще хоть раз сытый?

7 декабря 1941 года. Утро 6 часов 30 минут

Нет на свете краше
нашей Любы:
Черны косы обвивают стан,
Как кораллы, розовые губы,
А в глазах безбрежный океан.
Если Люба песенкой зальется -
На душе и бодро, и светло.
Если Люба звонко рассмеется,
Значит, ясно солнышко взошло!

Люба-Любушка,
Любушка-голубушка!
Я тебя не в силах позабыть!
Люба-Любушка,
Любушка-голубушка!
Сердцу любу Любушку любить!

Но настанет время
и для Любы:
И кудрявый, ласковый такой
Поцелует Любушкины губы
И обнимет нежною рукой.
Поглядит он в Любушкины очи,
К сердцу Любушку
тогда прижмет.
И в тиши прохладной
лунной ночи
Милой Любы сердце пропадет!

Люба-Любушка,
Любушка-голубушка!
Я тебя не в силах позабыть!
Люба-Любушка,
Любушка-голубушка!
Сердцу любу Любушку любить!

Андрюшка
Эх, путь-дорожка,
звени, моя гармошка,
Взгляни,
как сияют звёзды над рекой.
Парни лихие, девчата огневые,
Все заговорят наперебой.
Эх, Андрюша,
нам ли быть в печали?
Не прячь гармонь,
играй на все лады,
Так играй,
чтобы горы заплясали,
Чтоб зашумели зелёные сады!
Пой, Андрюша, так,
чтоб среди ночи
Ворвался ветер, кудри беребя.
Поиграй, чтобы ласковые очи
Не спросясь глядели на тебя.
Эх, путь-дорожка,
закрытое окошко,

Не выйдет, не встретит
девчоночка меня,
Горькое слово сказала
черноброва,
Что в сердце нет
ответного огня.

Эх, Андрюша,
нам ли быть в печали?
Не прячь гармонь,
играй на все лады,
Так играй,
чтобы горы заплясали,
Чтоб зашумели зелёные сады!
Пой, Андрюша, так,
чтоб среди ночи

Ворвался ветер, кудри беребя.
Поиграй, чтобы ласковые очи
Не спросясь глядели на тебя.
Эх, путь-дорожка,
ещё ровней немножко.
Вернулась девчонка,
улыбки не тая:
«Здравствуй, Андрюша,
пришла тебя послушать».

И запела милая моя.
Пой, Андрюша, так,
чтоб среди ночи
Ворвался ветер, кудри беребя.
Поиграй, чтобы ласковые очи
Не спросясь глядели на тебя.
Поиграй, чтобы ласковые очи
Не спросясь глядели на тебя.

Чилита

Ну кто в нашем крае
Чилиту не знает?
Она так умна и прекрасна!
И вспыльчива так и властна,
Что ей возражать опасно...

И утром и ночью
поет и хохочет,
Веселье горит в ней, как пламя.
И шутит она над нами,
И с нею мы шутим сами.

Припев:
Ай-я-я-яй, что за девчонка!
На все тотчас же
сыщется ответ,
Всегда смеется звонко.
Ай-я-я-яй, зря не ищи ты –
В деревне нашей, право же, нет
Другой такой Чилиты.
Жемчужные горы
сулят ей сеньоры,
Но денег Чилите не надо –
Она весела и рада,
Без денег и без наряда.
По нраву Чилите
лишь солнце в зените,
А всех кавалеров шикарней

Считает простого парня,
Что служит у нас в пекарне.
Припев:
Для нашей Чилиты
все двери открыты,
Хоть лет ей неполных
семнадцать,
Но взрослые все, признаться,
Ее как огня боятся.
И любим ее мы,
и терпим ее мы,
И справиться с нею нет мочи.
Над нами она хохочет
И делает все что хочет.

9–10 января 1942 года

Сегодня старшина должен будет привезти продукты. Привезет ли добавку? Надоело это мясо, как резина, никакого толку, говорят, что конина. Говорят, что привезут стуженное молоко.

Ну и жрать же охота, еле-еле дотянул до обеда. Такого состояния у меня еще никогда не было. Обед дали только в полчетвертого.

Возился с пушкой и телефонизацией, последние не работают. Наконец-таки приехал старшина, не привез опять ничего существенного. Вместо мяса привезли шпик – это очень даже хорошо, вместо сахара – молоко по 28 г на сутки. Все идут разговоры, как его есть. Сапог не привез. Наши успехи на фронтах все растут, но у нас ничего толкового, дорога все еще не освобождена. Наши за последние несколько дней с 1-го по 10-е взяли 7 городов, но все же все идет очень медленно. По-моему, за зиму немцев за старую границу не выгонят. За последние дни, особенно за 9–10, жрать охота, только сегодня заметил, что у нас в батарее есть опухшие, все это, по-моему, оттого, что питаются мало, а воды пьют уйму.

С питанием становится все хуже и хуже, не дают сахара, меньше шпика (55 г) и пр., наверно, добавки хлеба не будет вовсе. Сегодня (10) первый день нового пайка. Сразу чувствуется, что дали сало, очень хорошо. Легко сравнительно терпеть до обеда.

Старшина делал осмотр содержимого ранцев, искал, кто прячет и потом меняет хлеб и сухари на папиросы. Говорят, у нас так и делают. Эх, ну и обед же был, наконец-таки дождался мы пшена: на первое пшеничный суп с салом, а на второе каша пшенная с куском сала, вкусно

и сытно, но маловато, как всегда.

Сергей хочет купить часы за 150 рублей, херовые, по-моему, зря он тратит деньги, лучше приберечь, будет время – деньги будут дороже.

Алферьев не хочет брать папиросы за 35 рублей, согласился Васильев. Нужно собрать деньжат.

Завтра старшина должен привезти гимнастерки и, возможно, сапоги. На ужин, говорят, будет молочная лапша. Вот это дело! Ну и мороз стоит 9-го и 10-го, просто зверский, доходит до 30 градусов.

11–12 января 1942 года (воскресенье, понедельник)

Ну и мороз стоит на дворе. Сегодня иду, наверно, в караул. Теперь у нас батарея просто как цирковой балаган. Придумали целых 4 дежурных держать на батарее, никто не знает, кому подчиняться. Словом – полный бардак. Вчера на ужин была молочная лапша. Мировая штука, между прочим, целый год и 1 месяц я почти не ел такого яства, положили по 54 г молока на брата. Опять со светом что-то неладно, горит немного. А потом гаснет. Комбат меня ругал за грязные аккумуляторы. Думал, что всучит наряд, но ничего. Сегодня беседовали с политруком насчет посылки писем домой (то есть сталингорцам), обещает обратиться в Москву в эвакупункты. Один из нашей батареи связался при помощи его. Попробовать, что ли. Заступил вчера вечером в наряд, стоял на кухне, топил печь в коридоре, сдуру зажарил шинель и рукавицы, но зато стоять не очень холодно было. На дворе погода невозможная – мороз градусов 30 с ветром.

Сегодня пришлось заниматься по звуку. Приехал-таки воентехник, телефонизацию исправил! (я тоже мог бы, но не хотел возиться). Дал работенку зверскую, что на работе и делать просто кошмар, но я сломал по нечаянности ключ, и ее пришлось оставить. Ходил на посту с одним и вспоминали свои прошедшие года. Да... Эх, и времена были. Обсуждали, кому как живется в городе и в деревне, единодушно решили [что лучше] в деревне, хотя и не везде. Вспоминал, как мама мучилась, живя Сталиногорске, все, бедная, сама, а папа не занимался и не хотел заниматься хозяйством, почему мы так плохо и жили. У меня возни-

кает чувство, что если удастся все хорошо и все мои будут живы, непременно обзавестись хозяйством, а не так жить, как мы жили, когда за деньги приходилось покупать все и с таким трудом. Так подумаешь, с каким трудом мне дали среднее образование, а ведь папа у меня не родной, сколько лет я сидел у него на шее? Как трудно было, а иногда я был совсем неблагодарен папе. Сейчас просто совестно. Хороший даже очень папа, благодарность ему большая. Жив ли он? Плохо, что он не хозяйственный был, поэтому так трудно было. Я думаю, что я не должен так жить.

Сейчас 10 часов вечера, с нетерпением жду газету. Наши ребята из Сталиногорска подали заявление в кандидаты в ВКП(б). Подать и мне, что ли? И хочется и колется. Нет, не надо, я и так чувствую, что комсомол и то не по мне, не могу я так проводить время на собраниях и вообще заниматься общественными делами.

Никак я не кончу свой ножик – нет времени. Эх, и скука по радио, когда же удастся послушать приемник?

13 января 1942 года (вторник)

Утром меня позвали что-то на ДКП. Мороз, светит солнце, снег поскрипывает, тишина, прохожих мало. На улице Стачек движение сравнительно больше, женщины несут сумки, корзинки с хлебом <...> наверно, дают продукты, оживление. Устал здорово от непривычки. За последнее время чувствуется какая-то склонность к мечтанию. Мечтаю, как буду жить после всей этой кутерьмы, как буду вести хозяйство.

С ДКП в 1-м часу и сразу же приказали делать работу на пушке. Замерз зверски (-29 градусов), но работу кончил в срок. Имеется желание у меня заниматься математикой. Все условия есть, нужны лишь учебники. Хочется еще заняться теорией электричества и особенно радио, делать расчеты. Для этого завтра пойду на фабрику, говорят, там есть книги. Ребята говорят, что на днях выступал Попков. Он говорил как-будто, что трудные

для города дни минули! Плохо, нет радио и газет (получаем дня через 1,5–2).

14 января 1942 года (среда)

Чувствуется какой-то внутренний душевный подъем, чувствуется ожидание чего-то хорошего.

Ходил на фабрику специально за книгами. Нашел замечательную литературу по высшей математике и математике для средней школы.

Ребята здорово обрадовались. Но я рад больше всех, так как достал 2 части алгебры, геометрии, тригонометрии, задачник по физике, тригонометрии. Запасся я и бумагой, хотя и неполноценной, листов 300, – для задач хватит. Таки Попков выступал и говорил, что дня через 2 снабжение будет идти нормально, дорога около Мги очищена и нужно ее только отремонтировать. Ждем! Ждем! Сегодня на обед нам дали хлеб, который раз в 10 отличается от предыдущего. Старый хлеб просто чернее земли, а этот против него как саж и снег, а привкус, то и говорить-то нечего. Получил за папиросы 35 руб. Зря по дешевке продал, потом мне давали 50 руб. Следующий раз буду умнее. Мильтоны* папиросы за хлеб уже не меняют, а за «винтовку» берут по 15 руб.

Все чувствуется, что со временем деньги будут иметь бешеную цену, вещи можно будет покупать за бесценок. Говорят, что комбат подал списки, кому нужно присвоить звание. Не попал ли я туда? Ну его к черту, неохота! Мороз сегодня часов в 6 утра был просто зверский – градусов 30, днем был немного поменьше. Наверно, как дорогу освободят, станут давать махорку. А что я буду делать с ней? Кто ее будет у меня брать? Хотя бы дали 100 г, мог бы продать. У меня имеется желание достать: первое – это часы, второе – «лейку»** – это хоть провалиться, но я куплю. Нужно достать или сделать чемодан для книг. Говорят, что на днях наши взяли г. Киров и еще какой-то.

15 января 1942 года

Стою сегодня ночь в наряде. На дворе сегодня тепло: всего 9 градусов мороза. Все стали делать

* Милиционеры. – *Ред.*

** Фотоаппарат. – *Ред.*

котелки, и теперь у каждого есть. В газете поместили адрес эвакуационного пункта, нужно будет написать. Никогда свободного времени у меня нет, и вот опять комвзвода дал работенку. Продуктов ...

16 января 1942 г.

Писал конспект всю ночь с 15 по 16. Стоял в карауле, на дворе тепло. Вечером решал немного задачи и паял. За 14 наши взяли г. Медынь.

Ходил на фабрику и нашел 19-ю часть задачника. Сергей купил часы за 350 руб. и 1 кг хлеба. Теперь будет сидеть голодный. За 15 взяли г. Селижарово.

17 января 1942 г.

Дни проходят незаметно. Ведь живешь-то только от завтрака к обеду и пр.

Читали приказ, что если кто найдет на поле боя оружие, продукты, вещи – сдавать.

Ну и завтрак сегодня – просто беда.

Старшина привез сапоги, но как их получить? На дворе сравнительно тепло -17° -18°. Фабрику излазал всю. Летит день за днем. За день не успеваешь ничего сделать. Затишье на Ленинградском фронте.

За 15 число наши взяли г. Селижарово.

Собрали деньги на конверты, бумагу. Я хочу купить 2 пакета бумаги и 50 конвертов.

Получил получку – всего только 23 руб. Почему и сам не знаю. Ну и консервы нам дают – всего 70 гр. Ребята становятся все злее и злее, все время только слышно крики и ругань. А как начнут развозить обед – стоит сплошной крик.

Во вчерашней газете ничего существенного. Медленно наши двигаются. За 6 по 15 на Западном

фронте убито 1441 чел. Нашел ляпис – буду выжигать бородавку. Сегодня я что-то заболел, выпил кальцекс и аспирин. Вдруг приходят и сообщают новость, что наша батарея с 4-х часов утра до 8 дежурная. Ну и делишки, что не день так выдумают новое.

Решал задачи, дело идет ничего, помаленьку.

18 января 1942 г.

За 17 число наши взяли [неразборчиво] и [неразборчиво] на Западном фронте. Наконец-то получил сапоги. Ну и сапоги – замечательные, 43 размер. Я оставил хлеб от завтрака к обеду, теперь ничего, зато в обед съел сразу 300 грамм. Дал деньги на покупку конвертов, бумаги. Говорят, что на этот раз нам дадут махорку, как для кого, а для меня плохо. Сегодня холодно зверски. Не спим, всю ночь дежуриим. Если так протянется неделя – две, то наверно ночи протянем. Не знаю, что делать и задачи плоховато решать и нож делать и пр. Охота все-таки приемник сделать. Попробую еще раз сделать свинцовый блеск.

19 января 1942 г.

Почти всю ночь не спал и после завтрака дали поспать всего час. Старшина привез замечательные продукты: разнообразные крупы, пшено, гречку, рис, перловку, муку, капусту, жир, мясо, сахарный песок; вот на счет сахара, то мне молоко лучше. Эх, и тепло в сапогах, легко. Продал папиросы за 60 руб. и коробку спичек. Сначала продал 2 пачки по 15 руб., ну а потом передумал и пустил их по 10 руб., хотя сделал и глупо, папиросы-то были по 1 руб. 80 коп.

Раскрыли бардаки на кухне с добавкой. Один или два жрут по блату во всю, а если ты придешь

и попросишь добавки, то скажут, что нет, потом дают этим по целому бочку, рассчитанному на 4 человека. Сегодня мы опять дежуриим. После обеда у меня [неразборчиво]. Пропала ложка [неразборчиво]. Я думаю на Николая Ивановича, товарищи раз в этом его накрыли. Было кино «Девушка с характером». Но я не смотрел, решал задачи; дело идет пока.

20 января 1942 г.

Дежуриим по 12 часов в сутки: с 10 часов утра до 4-х дня и с 10 вечера до 4 утра. До чего надоела ругань ребят, ни с того, ни с чего как наваяются и давай, и давай. Стали злее, раздражительнее. Приехал капитан и комиссар дивизии. Никулину по приказанию комиссара дали папиросы и расследуют дело на кухне. (Это очень хорошо). Проходит Волков и раздает письма, попала им и одна мамина открытка, посланная еще 20.10.1941, 3 месяца назад. Что стоит маме написать больше? Ведь дома много людей. Ивану, например, пришло письмо, написанное 7 января 1942, очень интересное по содержанию, где его отец описывает самые жуткие дни Сталиногорска. Между прочим не такие разрушения и жертвы были, как я думал. Отец Ивана живет [Часть текста отсутствует]....

Почти все ребята занимаются этим делом. А выгодное, черт возьми. Собрать деньжонок, а потом, потом если будет возможность, а будет, безусловно, купить что надо. Я не могу просто бросить мысли о «***» и часах. Все-таки я их куплю. Решаю задачи. Попросил Ивана, чтобы он написал моей матери о месте нахождения моих родителей (он уже написал). Заступил в караул на кухню.

